

Томосфера — гермин наших дней

Корреспондент. Размышляя о современности, нередко ставишь рядом два понятия: духовная культура и техническая цивилизация. Они, несомненно, связаны между собой, влияют друг на друга, несмотря на то, что векторы их взаимодействия далеко не всегда параллельны. Не опережает ли, на ваш взгляд, сегодня научно-технический прогресс развития духовной культуры?

Д. Лихачев. Думается, в нашей беседе важно найти точный термин. Цивилизация, техническая цивилизация, НТР — все это хорошо усвоено людьми. А вот духовная культура, духовное начало — понятия достаточно расплывчатые.

Я давно уже остро ощущаю необходимость найти точный термин, который вмещал бы в себя комплекс понятий, связанных с внутренним миром человека, его развитием, с тончайшими и сложнейшими системами контактов людей между собой, человечества со всей природой планеты и с Вселенной. Нечто всеобъемлющее, как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себе иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность...

Что же касается вашего вопроса, он весьма актуален. Научно-технический прогресс в двадцатом веке выявил и свою грозную оборотную сторону... Мы в нашем обществе стремимся, естественно, поставить научно-техническую революцию на службу людям, однако далеко не всегда, не во всем это удается. Подумайте, например, о наших отношениях с природной средой, о грандиозных переделках природы, к которым мы сегодня способны, но к которым прибегаем иногда очень легкомысленно. Подумайте о злоупотреблении всевозможными механическими средствами в ущерб нашему здоровью, ведь гиподинамия — бич века, вспомните и о грозном, иначе не скажешь, всемирном наступлении «индустрии развлечения», «массовой культуры», а точнее антикультуры.

Если кто-то из нетерпеливых читателей воскликнет: Лихачев против НТР — я напомню ему о диалектическом двуединстве всего сущего и в том числе научного и технического прогресса. Причем я говорю не отвлеченные вещи, ведь даже среди моих коллег-ученых находятся такие, кто утверждает, что наука не имеет ничего общего с моралью и нравственностью, — мол, «мое дело считать»... И если машине, которая «считает», действительно нравственность не нужна, то для физика, математика, любого представителя «точных наук», управляющего этой машиной, «считающего», весь комплекс гуманистических качеств жизненно необходим. Ибо без нравственного совершенствования душа ученого не прогрессирует, а перерождается.

Кор. В шестидесятые годы американский социолог Олвин Тоффлер писал о превращении НТР в неуправляемый процесс, что грозит самыми тяжкими последствиями. И все же, Дмитрий Сергеевич, хочу сказать, что есть во мне неистребимое убеждение, что человечество справится с взрывом бездуховности, что в конечном счете все будет в порядке: гуманизм восторжествует во всех сферах жизни.

Д. Л. Полностью солидарен с вами. Я тоже оптимист. Но для того чтобы читатели не сочли бы нас благофантазерами, попробую обосновать причины моего оптимизма. Хочу только заметить, что для меня это результат и предмет многолетних наблюдений и размышлений. Вот тут неоспоримо мое преимущество возраста. Я жил в России и при царизме, и во время первой мировой войны, и во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, и в двадцатые — сороковые годы и пережил ленинградскую блокаду, встретил нашу Великую Победу, вместе со всем народом принимал участие в восстановлении разрушенного войной мира и, наконец, живу в нашей современной, тревожной, но ... мирной жизни. Пристально всматриваясь в этот огромный в масштабе одной человеческой жизни отрезок времени, в огромный и с точки зрения его значимости в истории страны, ясно вижу зарождающуюся и все набирающую силу тенденцию гуманизации всей нашей жизни в «сфере человеческой»... Вот тут снова ощущаю острую необходимость в точном термине. Вы понимаете, я веду сейчас речь об очень важной, четко просматривае-

мой области важнейших жизненных интересов, стремлений, нужд и надежд народа, людей, каждого человека. Именно человека, а не абстрактной усредненной статистической личности. Это огромная сфера, охватывающая гуманистическую сущность общества и, я даже бы сказал, всего живого, всего сущего на планете и даже во всей Вселенной. «Человекосфера»... Или для подобия с принятыми уже понятиями этой категории — гомосфера. Именно гомосфера! Термин найден...

Так вот, теперь я хочу продолжить рассуждения об оптимизме.

Последний этап новейшей нашей истории, почти сорок лет, мы живем без войны. В трудах, в тревогах, заботах — и все же без войн! Сейчас, несмотря на все трудности и многообразные заботы текущей жизни народа, я могу уверенно заявить, что все ярче, яснее видны знаки наступающей гуманизации гомосферы. И эта гуманизация проявляется иногда в самых неожиданных областях — там, где мы и подозревать не могли. Процесс этот надо заметить, определить, понять, только тогда он будет ускорен, сможет шагать в ногу с НТР.

Я говорю сейчас о несомненных знаках тенденции, обосновывающей мой оптимизм, однако хочу подчеркнуть, что пока это только знаки, фрагменты, штрихи, намеки на будущее. Правда, благодаря этим знакам уже вполне обозримо будущее.

Гуманизация гомосферы идет во всех областях нашей жизни, причем чрезвычайно важно, что это — глубинное явление, имеющее проявления в самой гуще народа.

Мы наблюдаем сейчас обостренный интерес, тягу к народному творчеству, к фольклору, к истории нашей Родины.

Совсем недавнее увлечение чисто архитектурной частью того или иного исторического памятника обращается в наше время к человеку, связанному с этим памятником. Обратите внимание, сколько за эти годы воссоздано мемориальных мест, связанных с целым рядом конкретных, определенных людей! Пушкин, Достоевский, Гоголь, Лермонтов, Чайковский, Блок, Герцен...

Человек, — не просто и не только его творчество, — именно человек во всей его много-сложности, неоднозначности личности и взаимоотношений с близкими, с друзьями, с самыми разными людьми находится сейчас в зоне пристального, напряженного, требовательного внимания искусства, литературы, науки. Отсюда вполне оправданный интерес к самым различным сторонам личности человека-творца, добрый интерес к биографической и документальной литературе, к публикациям эпистолярного наследия и архивных материалов.

Характерно и очень важно, что у нас все чаще появляются и научные, и популярные документальные исследования биографий Тютчева и Чехова, Блока и Л. Толстого, Достоевского и Пушкина, Гоголя, А. К. Толстого, Чернышевского, Маяковского, Есенина и многих других писателей, поэтов, ученых и т. д. Они не случайно пользуются широким читательским успехом, ибо несут знания о людях, которые, даже несмотря на человеческие

слабости, и им, конечно, присущие, оставались великими.

Вы бы получили удовольствие, например, наблюдая, как во время перерыва на последнем годовом собрании Академии наук СССР почтенные академики нарасхват покупали только что вышедшие книги моего ученика, доктора исторических наук, профессора Руслана Григорьевича Скрынникова: «Иван Грозный», «Самозванцы», «Борис Годунов», «Ермак»...

Один за другим создаются музеи и мемориалы лучших представителей Отечества, и в то же время все громче, все требовательнее звучат обращения во все инстанции: «Открывайте!», «Нельзя забывать!», «Напоминайте!». На днях, например, я получил толстую бандероль от сельского учителя Г. Р. Ларина. Он прислал мне свою многолетнюю работу — историю родного села, в котором жил и трудился всю сознательную жизнь. А задача, которую он поставил перед собой и в значительной мере выполнил в этой рукописи, — описать не просто историю одного из тысяч русских сел, но подробно рассказать о поколениях своих земляков — крестьян, которые, как он пишет, были не только «производителями материальных ценностей в сфере сельского хозяйства», но были людьми со всем присутствующим человеку миром желаний, чувств, страстей, радостей и горестей.

Я буду всячески способствовать публикации хотя бы части работы этого писателя-исследователя из народа. Его цели благородны, являются ярким подтверждением рассматриваемой нами мысли.

Гуманизация выражается в разных сферах жизни. Обратимся теперь к совершенно другой области. К отношениям в сфере «человек — природа». Пожалуй, вряд ли кто-либо теперь осмелится громогласно провозглашать недавно столь модный лозунг о покорении природы. Постепенно приходит понимание того, что мы, люди, со всей нашей наукой и техникой, — всего лишь частица гигантской, невероятно сложной экологической системы, именуемой «природа». Недавно в Архангельске выпущена чудесная книга «Беломорье». Автор Ксения Петровна Гемп — крупнейший знаток нашего Севера. Она прямо говорит о том, что природа, подобно доброй няньке, воспитывала русского северного человека как коллективиста, умеющего ценить дружескую помощь товарища, закаливала в суровом климате и в то же время заботилась о нем. Например, северные реки, текущие из мест с более умеренным климатом, несут людям на Севере и тепло и плодородную почву, и способствуют приумножению рыбных богатств, и служат надежными водными путями. Не «покорение», а исключительно осторожное отношение — уважение и благодарность природе — вот что должно быть характерно для гомосферы сегодняшнего дня. И я вижу знаки этой нарождающейся тенденции.

Гуманизация наблюдается и в самых сердцевинных частях НТР. Нет у нас больше абстрактных восторгов перед гигантизмом современных городов: все яснее человечество сознает, что урбанизация, гиперурбанизация — явление опасное. Все яснее нам, что увлечение невероятными скоростями современного тран-

спорта (поглощающего такие же невероятные количества драгоценного топлива и отравляющего атмосферу городов), поначалу так похожее на детскую забаву, оказывается вредоносным.

Хочу тут сказать и о скульптуре в наших супергородах. Тоже гигантизм. Два, три монумента-гиганта произведут должное впечатление, но большинство произведений скульптуры должно быть представлено малыми формами. Скульптуры должны встречать нас в парках, в укромных местах, наводить на размышления. Встречи с искусством скульпторов должны быть неожиданными.

В очень интересном и содержательном докладе доктор медицинских наук, профессор И. И. Лехницкая ставит такой диагноз современному урбанизированному обществу. Я позволю себе процитировать важнейший тезис ее доклада: «Современные болезни или нарушения здоровья чрезвычайно изменились за последние 35—40 лет. В структуре заболеваемости и смертности населения насчитывается сейчас сравнительно небольшое число имеющих наибольшее распространение так называемых «ведущих» патологий. Это различные формы атеросклероза, гипертонической болезни, хронические легочные, почечные заболевания, составляющие в совокупности более двух третей всей заболеваемости населения крупных индустриальных центров. Различные по своим проявлениям, они тем не менее отличаются одним общим свойством. Все они в конечном счете характеризуются истощением функциональных резервов организма, снижением его приспособительных возможностей.

Это снижение происходит как за счет уменьшения способности к максимальному напряжению его жизнеобеспечивающих систем, так и за счет неспособности этих систем к эффективному функционированию в обычных бытовых и производственных условиях. Что же истощает резервы наших функций в современных условиях существования человека? В век НТР их истощает борьба с несвойственной нашему организму необходимостью перерабатывать все увеличивающееся количество информации, с адинамией, то есть с несвойственным организму недостатком мышечной деятельности, и происходит это в условиях возрастающей загрязненности воздушной и водной среды его обитания».

Вы спросите меня, что же позитивное я вижу в этом грозном сообщении-предупреждении? А то, что об этом говорят и думают уже не только отдельные люди — постепенно человечество начинает понимать опасность жизни в созданной технократической среде обитания. А, как говорит старинная пословица, кто знает, тот наполовину уже победил. Все чаще мы обращаемся мыслями к тому, что наши научно-технические достижения имеют двуединую структуру с положительным и отрицательным значениями. Мы начинаем понимать, как опасно бездумное увлечение НТР в ущерб собственно человеческой сущности. Мы приходим к пониманию, что научно-технический прогресс, как всякое могучее орудие в руках людей, требует большого внимания и особо осторожного обращения.

Хотелось бы еще раз обратиться к науке. Гуманитарные науки, несомненно, приобретают

все больший вес на фруме знаний. Обнаруживается основополагающая закономерность, показывающая, что точные науки не могут развиваться без динамичного развития гуманитарных наук. Ибо именно гуманитарные науки обеспечивают должный уровень интеллигентности ученых, занятых исследованиями в любых сферах знания. Ну а в целом это еще объясняется и тем, что гуманитарные науки тесно связаны с исследованиями сложнейшего в мире «механизма» — человеческой души.

Наука должна развиваться единым фронтом. Назвав это военное слово, я вспомнил знаменитого русского полководца Брусилова, впервые в военной истории совершившего стратегический маневр, который много раз потом был с успехом применен советскими полководцами. Только стратегия равномерного наступления всех сил обеспечивает в конечном счете успех большого дела.

Вот на чем основан мой оптимизм при взгляде на нашу современную жизнь.

Даже если бы допустить (то, что я совершенно не допускаю!), что построения мои ошибочны, наблюдения ложны, что все идет в мире по нисходящей, то тем более оптимизм жизненно необходим как мощный стимул борьбы за добро против зла. Ибо оптимизм — это жизнь; пессимизм — смерть человечества.

Кор. Пока наша беседа шла о стратегических проблемах гомосферы. Теперь, если позволите, поговорим о тактике борьбы за ускорение гуманизации.

Д. Л. В таком случае нам надо, не стремясь раскрыть всю проблему, сосредоточиться на тех явлениях сегодняшней жизни, которые

в самых различных ее областях ярко обозначают ситуацию. Будем говорить о делах, близких нам с вами профессионально. Вот, например, я литературовед. И потому начать мне хочется с литературы. Конкретно — с особой роли поэта, поэзии в жизни общества.

Поэзия сублимирует человеческие чувства. Скажу прямо: в литературе поэт — первый человек. Мы воспринимаем поэзию не только разумом, но всей своей духовной сущностью. Именно поэтому такой огромной силой является творческое наследие наших великих поэтов.

Мне всегда жаль, когда наши талантливые поэты, вместо того чтобы делать дело, к которому они предназначены судьбой и талантом, вынуждены заниматься многими побочными литературными (и нелитературными) делами. Гораздо взыскательнее, жестче должны мы подходить и к продукции создателей расхожих шлягеров, чаще всего их тексты не что иное, как откровенная халтура, дискредитирующая поэзию, но как хорошо оплачиваемая!

Надо всегда помнить, что русская поэзия, как и русская музыка, есть самое высшее достижение нашей культуры. Это наша гордость, наше национальное богатство. Я подчеркиваю, потому что многие у нас этого не осознают. Я еще и еще раз призываю: давайте вчитаемся в совершенно бессмысленные тексты так называемых модных «песен», в огромном количестве звучащих с тысяч эстрадных подмостков, вслушаемся в рев многочисленных ВИА и голоса микрофонных идо-

лов молодежи, всмотримся в вихляющихся, дергающихся, извивающихся модных и супермодных солисток и солистов, всевозможными способами и эффектами компенсирующих отсутствие таланта, вкуса и такта, давайте серьезно задумаемся в этот прискорбный феномен и найдем, по-моему, совершенно необходимые меры сопротивления и борьбы с воинствующей пошлостью. Хочу вновь подчеркнуть: я вовсе не против так называемого «современного» искусства, но это должно быть именно искусство, облагораживающее и возвышающее человека, а не жалкая, бездарная пародия, рассчитанная на моментальный шок-успех, оглуляющая массы людей, дискредитирующая само высокое звание человека-артиста. Массовой культуре, с завидной энергией вторгающейся в нашу жизнь, следует противопоставить высокую культуру, имеющую народную, национальную основу, — в этом одна из задач эстетического и нравственного воспитания. И решать эту задачу следует гораздо энергичнее и действеннее.

Кор. Хотелось бы теперь поговорить о целой армии доброхотов, энтузиастов, отдающих свое время, силы, умение делу восстановления и использования памятников культуры. У нас в Москве, например, советы ВООПИК взяли на себя функции штабов по организации отрядов добровольцев по помощи реставраторам, строителям, а московские газеты извещают о горячих точках культурного фронта, где требуется помощь.

Д. Л. Вот еще одно знамение нашего времени. При этом, как я знаю, налицо естественное противоречие. Когда идут строительные, реставрационные работы на очередном памятнике культуры, а руководителей, специ-

алистов осаждают желающие помочь дилетанты, профаны, то вполне можно понять стремление иных специалистов всеми мерами отделаться от добровольцев. «Я не учитель, я реставратор, и мне помощников-неумех не требуется!» — вот смысл такой реакции. И тут со всей определенностью следует подчеркнуть, что массовая тяга наших людей не только к знакомству с памятниками культуры, но и к личному участию в их судьбе есть факт, который трудно переоценить. Он один из основополагающих на нынешнем этапе гуманизации гомосферы. И в такой ситуации любой специалист, любой руководитель не может, не имеет морального права не приложить все усилия, чтобы не угас энтузиазм людей. Ведь в конце концов вся работа всех уровней учреждений и всех работников культуры направлена именно на то, чтобы разбудить в душах людей их стремление к ценностям духовной культуры.

И, конечно же, самые нетерпимые факты — равнодушие администраторов всех рангов к обоснованной тревоге за сохранность памятников истории культуры нашего народа. Неужели не ясно, что мы и так потеряли в огне и вихре минувших лет неисчислимое количество сокровищ духа!

Вам, конечно, понятно, насколько дорог мне Ленинград. И насколько бывает каждый раз больно, когда примеры подобного отношения вижу в родном городе.

В 1985 году должна была быть проложена объездная дорога, которая соединит университет с планируемым в восточной части Петродворца жилым районом. Эту дорогу проектиро-

вали архитекторы 1-й мастерской ЛенНИИпроекта. Уж о них-то никак не скажешь, что люди они невежественные и в вопросах градостроительства, и в деле охраны памятников культуры. Или, скажем, архитектор-неинтеллигент — такое тоже трудно себе представить. И тем не менее планируемая дорога должна пройти (и разрушить!) через фонтанную гидротехническую систему, созданную инженером-гидростроителем Туволковым в 1721 году. О том, что парки Петергофа не только наше национальное, но и мировое богатство, знают все. А вот в то, что такой вандализм творят в парках Петергофа наши советские архитекторы, не хочется верить! Ведь это же их деды в огневой 1918 год жили и боролись за исполнение возвания Совета рабочих и солдатских депутатов: «Граждане! Старые хозяева ушли. После них осталось огромное наследство. Граждане! Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи — все это наша история, наша гордость». Я не хочу вдаваться в подробности юриспруденции, но и она подтверждает, что люди, о которых идет речь, являются нарушителями действующего законодательства.

Самое досадное, когда мы встречаемся с фактами нарушения законов и принципов охраны и использования памятников культуры самими людьми, приставленными к этому делу страной, народом.

Ведь когда мы говорим об охране и использовании памятников культуры, речь идет о хозяйственном, рачительном отношении к «инструментам» просвещения, воспитания в духе гуманизма, советской идеологии.

Я бы сказал еще так. Должны быть у народов святыни. Ведь помните же слова Пушкина о любви «к отеческим гробам». Бережное, заботливое, внимательное отношение к прошлому, к памяти, к истории и в духовном и в материальном проявлении — это высший критерий культуры, философии, преемственности поколений, торжества бессмертия, вечной жизни человечества. Преемственность! Вот, пожалуй, одна из основ гомосферы. Ибо в ней заключен важнейший принцип бессмертия наивысших достижений творческого духа человека.

Кор. Два года назад в интервью «Память истории священна», которое было опубликовано «Огоньком», вы говорили о некоторых «болевых точках», о великих памятниках истории и культуры, нуждающихся в спасении. Что произошло за это время?

Д. Л. То выступление на страницах «Огонька» имело широкий общественный резонанс, и был принят целый ряд конкретных мер после нашего призыва к «немедленным спасательным операциям».

Несколько лучше стали дела на острове Валаам, там идут реставрационные работы, упорядочено посещение острова туристами; в усадьбе великого ученого Д. И. Менделеева начались было работы, но дело вновь остановилось. Пушкинские праздники в Захарове, внимание к ним Государственного музея А. С. Пушкина, открытие там небольшой выставки дают возможность надеяться, что и это место пушкинского Подмосковья будет приведено в порядок.

Кор. Дмитрий Сергеевич! Говоря о гуманизации атмосферы, об ускорении этого процесса, можем ли мы обращаться к самым обыденным, массовым, простым сторонам жизни?

Д. Л. Несомненно. Возьмите, например, первичную ячейку нашего общества — семью. Здесь очень много точек приложения гуманизации, причем сознательной. Отказ от принципа «модной» обстановки квартиры, например, и замена его принципом обстановки удобными, на самом деле удобными предметами мебели, даже если это грозит «разнообразием»...

Непременное проведение принципа общения между собой всех членов семьи: и малых, и взрослых, и старых — в свободные вечера, на прогулках, в отпускное время отдыха. Знаете, я часто думаю о том, как хорошо было бы возродить стародавнюю традицию совместного чтения вслух. Тут дело не в информации, которой у нас сегодня и без того предостаточно. Важно соприкосновение душ членов семьи и непременно в «разновозрастном составе». И сразу в связи с этим возникает проблема очень «строгости режима» для весьма и весьма активного нашего «члена семьи» — телевизора, но глухого «члена семьи», который для многих, увы, стал чуть ли не основным средством познания мира. Пристрастный отбор программ, очень строгая регламентация времени общения с телевизором необходимы. В противном случае — очень тягостные нагрузки на нервную систему, ненужная информация, развитие лени мысли, разъединение членов семьи.

Надо дружить семьями, ходить друг к другу в гости, совершать совместные прогулки, поездки. Причем опять же при строгом соблюдении принципа разновозрастности. Обо всем этом надо писать много, тему эту надо обсуждать как можно шире — тема гуманизации семьи крайне актуальна.

А возьмите проблему гуманизации времени. Кому не известна эта ужасная поговорка — «убить время»?..

Кор. У меня двойственное ощущение от нашей беседы. С одной стороны, затронуты важнейшие проблемы духовной жизни человека. А с другой — буквально только лишь затронуты. Приоткрыта дверь в целый мир проблем, касающихся всех, каждого человека.

Д. Л. Да мы с вами и начали с того, что гуманизация гомосферы — процесс, видимый еще только в самых первых проявлениях, в намеках, в знаках. О них надо говорить широко и заинтересованно. А ощущение важности многих затронутых нами тем оттого, что действительно мы приоткрыли дверь в близкое, вполне обозримое будущее.

Беседу вел М. Баринов